

Творчество Е.И. Замятина (Роман «Мы»)

Утопия как литературный жанр предполагает развернутое описание общественной, государственной и частной жизни воображаемой страны, которая отличается идеальным политическим укладом и всеобщей социальной справедливостью. (Утопией называют также любой нереальный, неосуществимый на практике проект социальных преобразований).

Утопическое мышление особенно характерно для писателей революционного склада, в центре внимания которых всегда находится поиск новой модели общества, государства. Антиутопические произведения, как правило, выходят из-под пера авторов, для которых объектом художественного исследования стала человеческая душа, непредсказуемая, неповторимая. Такие произведения зачастую полемически направлены против утопий. Антиутопия обнажает несовместимость утопических проектов с интересами отдельной личности, доводит до абсурда противоречия, заложенные в утопии, отчетливо демонстрируя, как равенство оборачивается уравниловкой, разумное государственное устройство — насильственной регламентацией человеческого поведения, технический прогресс — превращением человека в механизм.

Назначение утопии состоит прежде всего в том, чтобы указать миру путь к совершенству, задача антиутопии — предупредить мир об опасностях, которые ждут его на этом пути.

Одна из лучших антиутопий XX века — роман Евгения Замятина «Мы», написанный в 1920 году.

Уже на первых страницах романа Е. Замятин создает модель идеального, с точки зрения утопистов, государства, где найдена долгожданная гармония общественного и личного, где все граждане обрели наконец желаемое счастье. Во всяком случае, таким оно предстает в восприятии повествователя — строителя Интеграла, математика Д-503. В чем же счастье граждан Единого Государства? В какие моменты жизни они ощущают себя счастливыми?

В самом начале романа мы видим, какой восторг вызывает у героя-повествователя ежедневная маршировка под звуки Музыкального Завода: он переживает абсолютное единение с остальными, чувствует солидарность с себе подобными. «Как всегда, Музыкальный Завод всеми своими трубами пел Марш Единого Государства. Мерными рядами, по четыре, восторженно отбивая такт, шли нумера — сотни, тысячи номеров, в голубоватых юнифах, с золотыми бляхами на груди — государственный номер каждого и каждой. И я — мы, четверо, — одна из бесчисленных волн в этом могучем потоке» (запись 2-я).

Отметим, что в вымышленной стране, созданной воображением Замятина, живут не люди, а нумера, лишённые имен, облаченные в юнифы (то есть униформу). Внешне схожие, они ничем не отличаются друг от друга и внутренне. Не случайно с такой гордостью восклицает герой, восхищаясь прозрачностью жилищ: «Нам нечего скрывать друг от друга». «Мы счастливейшее среднее арифметическое», — вторит ему другой герой, государственный поэт К-13. Одинаковостью, механичностью отличается вся их жизнедеятельность, предписанная Часовой Скрижалью. Это характерные черты изображенного мира. Лишить возможности изо дня в день выполнять одни и те же функции значит лишить счастья, обречь на страдания, о чем свидетельствует история «О трех отпущенниках».

Символическим выражением жизненного идеала главного героя становятся прямая линия (как тут не вспомнить Угрюм-Бурчеева) и плоскость, зеркальная поверхность,

будь то небо без единого облачка или лица, «не омраченные безумием мысли». Прямолинейность, рационализм, механичность жизнеустройства Единого Государства объясняют, почему в качестве объекта поклонения нумера выбирают фигуру Тэйлора.

У современников Замятина имя этого человека было чрезвычайно популярным. Фредерик Уинслоу Тэйлор — выдающийся американский инженер-изобретатель, основоположник так называемой научной организации труда — разработал систему организации и нормирования труда и управления производством, подбора, расстановки и оплаты рабочей силы, направленную на существенное повышение производительности и интенсивности труда. Эта система — тэйлоризм — предусматривает детальное исследование трудовых процессов, установление высокой почасовой или почасовой нормы выработки. Эта норма определяется так: каждая трудовая операция расчленяется на действия, которые выполняет наиболее физически сильный и искусный рабочий, обученный самым совершенным методам труда. Его работа хронометрируется, и показатели выработки становятся нормой для всех рабочих. От выполнения такой нормы зависит и оплата труда. Таким образом, трудовая деятельность расписана буквально по минутам. Тэйлоризм предусматривает также чередование труда и отдыха. Правда, как сокрушается замятинский герой, Тэйлор «не додумался распространить свой метод на всю жизнь, на каждый шаг, на круглые сутки».

Организация труда, по Тэйлору, основывается на сугубо рациональном подходе к человеку, на максимальном использовании его сил и способностей в интересах производства. Тэйлоризм, система глубоко научная и во многом прогрессивная, тем не менее уравнивает деятельность человека и работу механизмов.

Восхищаясь гением Тэйлора, герой романа «Мы» неоднократно с явным пренебрежением произносит имя Канта. Иммануил Кант — выдающийся немецкий философ, один из основоположников немецкой классической философии, он исследует границы человеческого познания («Критика чистого разума»). Кант утверждает, что разум не может познать мир как таковой, что человеку доступен не объективный мир, а лишь субъективный мир ощущений.

Человек, по Канту, не пассивное создание природы или общества, он способен сам определять свою волю и поведение. Но, признавая за собой право на самостоятельность, человек должен признавать его за всеми окружающими. Исходя из этого, Кант формулирует нравственный закон: «...поступай так, чтобы использовать человека для себя так же, как и для другого, всегда как цель и никогда лишь как средство», «другой человек должен быть для тебя святым».

Антитеза Тэйлор – Кант, пронизывающая весь роман, есть противопоставление рационалистической системы мышления, где человек — средство, и гуманистической, где человек — цель.

Таким образом, идея всеобщего равенства, центральная идея любой утопии, оборачивается в антиутопии всеобщей одинаковостью и усредненностью («...быть оригинальным — это нарушить равенство», «быть банальным — только исполнять свой долг»). Идея гармонии личного и общего заменяется идеей абсолютной подчиненности государству всех сфер человеческой жизни. «Счастье — в несвободе», — утверждают герои романа. Малейшее проявление свободы, индивидуальности считается ошибкой, добровольным отказом от счастья, преступлением, поэтому казнь становится праздником (ошибка исправлена!). Обратим внимание, как прорывается авторский сарказм в изображении приговоренного, чьи руки перевязаны пурпурной лентой. Высшее блаженство переживает герой в День Единогласия, который позволяет каждому с особой силой ощутить себя маленькой частичкой огромного «мы». Заметим, что, с восхищением рассказывая об этом дне, герой с недоумением и иронией размышляет о выборах у древних (то есть о тайном голосовании). Но его ирония оборачивается авторским сарказмом: абсурдны «выборы» без права выбора, абсурдно общество, которое предпочло свободе волеизъявления единомыслие.

Рассматривая роман в контексте литературы 1920-х, подчеркнем, что стремление к слиянию с массой, к растворению в ней собственного «я», к подчинению личной воли задачам общественного прогресса было характерной чертой мироощущения человека данной эпохи и литературы тех лет, особенно пролетарской поэзии (А. Гастев, Ф. Шкулев, М. Герасимов, В. Кириллов, А. Маширов-Самобытник).

«Я счастлив, что я этой силы частица, что общие даже слезы из глаз», — писал Маяковский в 1924. В послеоктябрьском творчестве Маяковского местоимение «я» постепенно вытесняется местоимением «мы» (поэмы «Хорошо!», «Владимир Ильич Ленин»). Но и через четыре десятилетия А. Галич с горькой иронией заметит, что и для его современников «счастье не в том, что один за всех, а в том, что все, как один».

Очевидно, чтобы создать общество, идеальное с точки зрения утопистов, необходимо изменить саму человеческую природу. Авторы утопий чаще всего оставляют без внимания те пути, которыми достигается изображенный ими миропорядок. Даже если картины будущего включены в произведения о современности (Чернышевский), разрыв между несовершенством сегодня и идеальным завтра — огромен. В лучшем случае утописты уповают на разум, но механизм воздействия разума на человеческую природу они не исследуют. В произведениях утопистов революционного направления звучат намеки на необходимость социального переворота, однако сам переворот не изображен. Авторы антиутопий обращают особое внимание именно на пути построения «идеального общества», ибо убеждены, что мир антиутопии — результат попыток реализовать утопию.

Как же достигается «тэйлоризированное» счастье в романе Замятина? Как сумело Единое Государство удовлетворить материальные и духовные запросы своих граждан?

Материальные проблемы были решены в ходе Двухсотлетней войны. Победа над голодом одержана за счет гибели 0,8 населения. Жизнь перестала быть высшей ценностью: десять нумеров, погибших при испытании, повествователь называет бесконечно малой третьей порядка. Но победа в Двухсотлетней войне имеет еще одно важное значение. Город побеждает деревню, и человек полностью отчуждается от матери-земли, довольствуясь теперь нефтяной пищей.

Что касается духовных запросов, то государство пошло не по пути их удовлетворения, а по пути их подавления, ограничения, строгой регламентации. Первым шагом было введение сексуального закона, который свел великое чувство любви к «приятно-полезной функции организма». (Отметим авторскую иронию по отношению к рассказчику, который ставит любовь в один ряд со сном, трудом и приемом пищи). Сведя любовь к чистой физиологии, Единое Государство лишило человека личных привязанностей, чувства родства, ибо всякие связи, кроме связи с Единым Государством, преступны. Несмотря на кажущуюся монолитность, номера абсолютно разобщены, отчуждены друг от друга, а потому легко управляемы. Отметим, какую роль в создании иллюзии счастья играет Зеленая Стена. Человека легче убедить, что он счастлив, оградив от всего мира, отняв возможность сравнивать и анализировать. Государство подчинило себе и время каждого номера, создав Часовую Скрижаль. (Так и напрашивается пушкинское: «...присвоило себе насильственной лозой и труд, и собственность, и время...») Единое Государство отняло у своих граждан возможность интеллектуального и художественного творчества, заменив его Единой Государственной Наукой, механической музыкой и государственной поэзией. Стихия творчества насильственно приручена и поставлена на службу обществу. Обратим внимание на названия поэтических книг: «Цветы судебных приговоров», трагедия «Опоздавший на работу», «Стансы о половой гигиене». Однако, даже приспособив искусство, Единое Государство не чувствует себя в полной безопасности. А потому создана целая система подавления инакомыслия. Это и Бюро Хранителей (шпионы следят, чтобы каждый был «счастлив»), и Операционное с его чудовищным Газовым Колоколом, и Великая Операция, и доносительство, возведенное в ранг добродетели («Они пришли, чтобы совершить подвиг», – пишет герой о доносчиках).

Итак, этот «идеальный» общественный уклад достигнут насильственным упразднением свободы. Всеобщее счастье здесь не счастье каждого человека, а его подавление, нивелировка, а то и физическое уничтожение.

Но почему же насилие над личностью вызывает у людей восторг? Дело в том, что у Единого Государства есть оружие, страшней Газового Колокола. И оружие это — слово. Именно слово может не только подчинить человека чужой воле, но и оправдать насилие и рабство, заставить поверить, что несвобода и есть счастье. Этот аспект романа особенно важен, так как проблема манипулирования сознанием актуальна и в конце XX века.

Какие же обоснования, доказательства истинности счастья нумеров даны в романе?

Чаще всего Замятин вкладывает их в уста главного героя, который постоянно ищет все новые и новые подтверждения правоты Единого Государства. Он находит эстетическое оправдание несвободе: «Почему танец красив? Ответ: потому что это несвободное движение, потому что весь глубокий смысл танца именно в абсолютной, эстетической подчиненности, идеальной несвободе» (запись 2-я). Инженер, он смотрит на танец с этой точки зрения, вдохновение в танце позволяет ему сделать вывод лишь о том, что «инстинкт несвободы издревле органически присущ человеку».

Но чаще в основе этих доказательств лежит привычный для него язык точных наук: «Свобода и преступление так же неразрывно связаны между собой, как... ну, как движение аэро и его скорость: скорость аэро = 0, и он не движется; свобода человека = 0, и он

не совершает преступлений. Это ясно. Единственное средство избавить человека от преступлений — это избавить его от свободы» (запись 7-я). Уподобляя законы человеческой жизни законам физики, обосновывает герой и бесправие отдельной личности, и счастье быть как все: «...допускать, что у “я” могут быть какие-то “права” по отношению к Государству, и допускать, что грамм может уравновесить тонну, — это совершенно одно и то же. Отсюда — распределение: тонне — права, грамму — обязанности; и естественный путь от ничтожества к величию: забыть, что ты — грамм, и почувствовать себя миллионной долей тонны...» (запись 20-я).

Подтверждение идеям Единого Государства звучит и в словах К-13. Он находит его в религии древних, то есть в Христианстве, истолковывая его по-своему: «Тем двум в раю — был предоставлен выбор: или счастье без свободы — или свобода без счастья; третьего не дано. Они, олухи, выбрали свободу — и что же понятно — потом века тосковали об оковах. < ... > И только мы снова догадались, как вернуть счастье... < ... > Благодетель, Машина, Куб, Газовый Колокол, Хранители — все это добро, все это величественно, прекрасно, благородно, возвышенно, кристально-чисто. Потому что это охраняет нашу несвободу — то есть наше счастье» (запись 11-я).

И наконец, чудовищную логику Единого Государства демонстрирует сам Благодетель. Рисуя перед воображением трепещущего Д-503 картину распятия, он делает главным героем этой «величественной трагедии» не казнимого Мессию, а его палача, исправляющего ошибки преступной индивидуальности, распинающего человека во имя всеобщего счастья (запись 36-я).

Сила и убедительность всех названных доводов в том, что они весьма логичны. Но в этом и их слабость, потому что логика, применимая к технике и производству, механически переносится героями романа на человеческую жизнь. Человек заменяется абстрактной единицей, номером, граммом. Такая замена позволяет подойти к личности, в которой от природы заложено рациональное и эмоциональное, всеобщее и неповторимое с холодными, по-тэйлоровски рационалистическими мерками, с «арифметикой» Раскольниковова, заменившего понятие «человек» «успокоительным словечком» «вошь».

Постигая чудовищную логику, а точнее — идеологию Единого Государства, вслушаемся в его официальный язык. С первых же страниц романа бросается в глаза обилие оксюморонов: «благодетельное иго разума», «дикое состояние свободы», «наш долг заставить их быть счастливыми», «самая трудная и высокая любовь — это жестокость», «я снова свободен, то есть, вернее, снова заключен в стройные, бесконечные, ассирийские ряды», «Благодетель, мудро связавший нас по рукам и ногам благодетельными тенетами счастья» и так далее. Этот прообраз оруэлловского новояза не просто особый язык. Это особый тип сознания, который, пожалуй, и является главным достижением и главным преступлением Единого Государства, ибо в этом сознании произошла подмена всех выношенных мировой культурой человеческих ценностей. Здесь несвобода — счастье, жестокость — проявление любви, а человеческая индивидуальность — преступление.

Вопрос о том, какие явления, события XX века предвидел Замятин, возникает сам собой при чтении его романа, ибо писатель не только изобразил в условно-фантастической форме победу техники над человеком (об этом заставил писателя задуматься увиденный им в Англии процесс бурного развития науки и техники), но и сумел предсказать тот социально-политический режим, который называется тоталитарным. Его важнейшие атрибуты — обожаемый Благодетель (Старший Брат, Отец народов, Великий Кормчий, фюрер), политическая полиция (в образах Хранителей угадываются черты гестаповцев, агентов НКВД), изоляция от окружающего мира (очевидна аналогия между Зеленой Стеной и «железным занавесом»). Писатель угадал даже некоторые «технические» детали грядущего террора: разве Газовый Колокол не прообраз газовой камеры, а Великая Операция не предвестие фашистских

экспериментов над человеческой психикой? Замятин сумел также воспроизвести модель тоталитарного сознания, сознания глубоко бесчеловечного.

Естественно, что личность, сформированная подобным общественным укладом, ощущает себя ничтожеством по сравнению с силой и мощью государства. Именно так оценивает свое положение главный герой в начале романа. Но Замятин изображает духовную эволюцию героя: от осознания себя микробом в этом мире Д-503 приходит к ощущению целой вселенной внутри себя.

Заметим, что уже с самого начала герой, абсолютно подчинивший собственное «я» монолитному «мы», не лишен сомнений. Полному ощущению счастья мешают досадные изъяны этого «идеального» мира. Герою не дают покоя носы, которые при всей одинаковости номеров имеют разные формы, личные часы, которые каждый проводит по-своему, да еще корень из минус единицы, раздражающий его тем, что находится вне ratio. И хотя герой стремится отогнать эти неуместные мысли, в глубине сознания он догадывается, что есть в мире что-то не поддающееся логике, рассудку. Более того, в самой внешности Д-503 есть нечто, мешающее ему чувствовать себя идеальным номером, — волосатые руки, «капля лесной крови». Да и факт ведения записей, попытка рефлексии, не поощряемой государственной идеологией, тоже свидетельствует о необычности центрального героя. Таким образом, в Д-503 остались крошечные рудименты человеческой природы, не подвластные Единому Государству.

Однако бурные перемены начинают происходить с ним с того момента, когда в его жизнь входит I-330. Первое ощущение душевной болезни приходит к герою, когда он слушает в ее исполнении музыку Скрябина. Вероятно, эта музыка была для Замятина не только символом духовности (о чем свидетельствует упоминание Скрябина в рассказе «Пещера»), но и символом иррациональности, непознаваемости человеческой природы, воплощением гармонии, не проверяемой алгеброй, той силы, которая заставляет звучать самые тайные струны души.

Ощущение утраты равновесия еще более усугубляется в герое романа в связи с посещением Древнего Дома. И облако на небесной глади, и непрозрачные двери, и хаос внутри дома, который герой едва переносит, — все это приводит его в смятение, заставляет задуматься о том, что никогда не приходило ему в голову: «...ведь человек устроен так же дико, как эти вот нелепые “квартиры”, — человеческие головы непрозрачны; и только крошечные окна внутри: глаза» (запись 6-я). О глубоких изменениях, произошедших с героем, свидетельствует тот факт, что он не доносит на I-330. Правда, со свойственной ему логикой он пытается оправдать свой поступок объективными обстоятельствами (болезнью, тем, что его задержали в Медицинском Бюро), и все же привычная ясность мыслей утрачена.

Обратим внимание, что главной деталью портрета I-330 в восприятии героя становится икс, образованный складками возле рта и бровями; икс для математика — символ неизвестного. Так на смену ясности приходит неизвестность, на смену радостной цельности — мучительная раздвоенность («Было два меня. Один я — прежний, Д-503, номер Д-503, а другой... Раньше он только высовывал свои лохматые лапы из скорлупы, а теперь вылезал весь, скорлупа трещала, вот сейчас разлетится в куски и... и что тогда?») (запись 10-я). Раздваивается и восприятие героем мира.

«Все было на своем месте — такое простое, обычное, закономерное: стеклянные, сияющие огнями дома, стеклянное бледное небо, зеленоватая неподвижная ночь. Но под этим тихим прохладным стеклом — неслось неслышно буйное, багровое, лохматое» (запись 10-я). Ясное безоблачное небо постепенно превращается в сознании героя в тяжелое, чугунное.

Меняется и речь героя. Обычно логически выстроенная, она становится сбивчивой, полной повторов и недоговоренностей: «Я не позволю! Я хочу, чтобы никто, кроме меня. Я убью всякого, кто... Потому что вас — я вас...» (запись 10-я). И дело не только в смятении, в предельном эмоциональном напряжении, переживаемом героем, но и в том,

что слова любви, ревности незнакомы ему. Д-503 привык к отношениям с женщинами (точнее — с женскими номерами), как к «приятно-полезной функции организма», как к выполнению долга перед Единым Государством. Право каждого номера на любой номер являлось для него доказательством равенства, одинаковости, взаимозаменяемости людей. Любовь к I-330 — это нечто совсем другое. «...Не было Единого Государства, не было меня. Были только нежно-острые, стиснутые зубы, были широко распахнутые мне глаза — и через них я медленно входил внутрь все глубже. И тишина — только в углу — за тысячи миль — капают капли в умывальнике, и я — вселенная, и от капли до капли — эры, эпохи...» (запись 13-я). Происходит радикальный перелом в мироощущении героя. Не частицей вселенной ощущает он себя в этот момент, а наоборот — вселенную чувствует в себе. После этого доктор и ставит диагноз: «По-видимому, у вас образовалась душа». Плоскость, зеркальная поверхность становятся объемными. Привычный двухмерный мир рушится. То, что казалось иррациональным, вдруг становится реальностью, только иной, невидимой. «...Эта нелепая “душа” — так же реальна, как моя юнифа, как мои сапоги — хотя я их и не вижу сейчас (они за зеркальной дверью шкафа)? И если сапоги не болезнь — почему же “душа” болезнь?» (запись 18-я).

Так герой вступает в непримиримый конфликт не только с Единым Государством, но и с самим собой. Ощущение болезни борется с нежеланием выздороветь, осознание долга перед обществом — с любовью к I-330, рассудок — с душой, сухая математическая логика — с непредсказуемой человеческой природой

Мир в романе Замятина дан через восприятие человека с пробуждающейся душой. И если в начале книги автор, доверяя повествование своему персонажу, все же смотрит на него отстраненным взглядом, часто иронизирует над ним, то постепенно их позиции сближаются: нравственные ценности, которые исповедует сам автор, становятся все более и более дороги герою.

И герой не одинок. Не случайно доктор говорит об «эпидемии души». Есть в романе и другие ее проявления. Всем своим поведением бросает вызов Единому Государству I-330. Не принимая всеобщего «сдобного» счастья, она заявляет: «...я не хочу, чтобы за меня хотели другие, а хочу хотеть сама». Под ее влияние попадает не только Д-503, но и верноподданный поэт К-13 (вспомним его бледное лицо и трясущиеся губы в день казни), и доктор, выдающий липовые справки, и даже один из Хранителей Неподчинение воле Единого Государства проявляет и безымянный поэт, сочинивший кощунственные стихи. И даже О-90, такая слабая и беззащитная, вдруг ощутила потребность в простом человеческом счастье, в счастье материнства.

А сколько их еще! И та женщина, что бросилась через строй к одному из арестованных, и те тысячи, что попытались проголосовать «против» в День Единогласия, и те, кто пытался захватить Интеграл, и те, кто взорвал Стену, наконец, те дикие, живущие за Зеленой Стеной, чудом уцелевшие после Двухсотлетней войны, назвавшие себя Мефи.

Каждого из этих героев Замятин наделяет какой-либо выразительной чертой: брызжущие губы и губы-ножницы, двоякоизогнутая спина и раздражающий икс. Целую цепочку ассоциаций вызывает эпитет «круглый», связанный с образом О-90: возникает ощущение чего-то домашнего, спокойного, умиротворенного; круг дважды повторен даже в ее номере. (Вспомним, что именно этот эпитет неоднократно повторяет Л. Толстой в связи с Платоном Каратаевым).

Итак, Единому Государству, его абсурдной логике в романе противостоит пробуждающаяся душа, то есть способность чувствовать, любить, страдать. Душа, которая и делает человека человеком, личностью. Единое Государство не смогло убить в человеке его духовное, эмоциональное начало. Почему же этого не произошло?

В отличие от героев романа Хаксли «О дивный новый мир», запрограммированных на генетическом уровне, замятинские номера — все-таки живые люди, рожденные отцом и матерью и только воспитанные государством. Имея дело с живыми людьми, Единое

Государство не может опираться только на рабскую покорность. Залог стабильности такой социальной системы — в способности граждан «воспламениться» верой и любовью к государству. Счастье нумеров уродливо, но ощущение счастья должно быть истинным. Следовательно, задача тоталитарной системы — не уничтожить полностью личность, а ограничить ее со всех сторон: перемещения — Зеленой Стеной, образ жизни — Скрижалью, интеллектуальный поиск — Единой Государственной Наукой, которая не ошибается. Можно, казалось бы, вырваться в космос. Но Интеграл несет в иные миры «трактаты, поэмы, манифесты, оды или иные сочинения о красоте и величии Единого Государства». Увы, его полет не попытка познания вселенной, а скорее — идеологическая экспансия, стремление подчинить вселенную воле Единого Государства.

Государство ограничило человека, но оно ограничило и себя. Обратимся к разговору Д-503 и I-330 в записи 30-й. Герой утверждает, что революция, которая создала их общество, была последней и больше никаких революций не может быть, потому что «все уже счастливы». Но героиня возражает:

«— Положим... Ну хорошо: пусть даже так. А что дальше?»

Смешно! Совершенно ребяческий вопрос. Расскажи что-нибудь детям — все до конца, а они все-таки непременно спросят: а дальше, а зачем?

Дети — единственно смелые философы. И смелые философы — непременно дети. Именно так, как дети, всегда и надо: а что дальше?»

Человек и общество остановились в своем развитии, перестав задавать вопрос «А что дальше?».

Рассматривая роман, мы убедились, что не убитая до конца личность пытается вырваться из установленных рамок и, может быть, найдет себе место в просторах вселенной. Но вспомним: сосед главного героя стремится доказать, что вселенная конечна. Единая Государственная Наука хочет и вселенную огородить Зеленой Стеной. Вот тут-то и задает герой свой главный вопрос: «Слушайте, — дергал я соседа. — Да слушайте же, говорю вам! Вы должны, вы должны мне ответить: а там, где кончается ваша конечная вселенная? Что там — дальше?» (запись 39-я).

На протяжении всего романа герой мечется между человеческим чувством и долгом перед Единым Государством, между внутренней свободой и счастьем несвободы. Любовь пробудила его душу, его фантазию. Фанатик Единого Государства, он освободился от его оков, заглянул за грань дозволенного: «А что дальше?»

Роман замечателен не только тем, что автор уже в 1920 году сумел предсказать глобальные катастрофы XX века. Главный вопрос, который он поставил в своем произведении: выстоит ли человек перед все усиливающимся насилием над его совестью, душой, волей?

Рассмотрим, чем заканчиваются в романе попытки противостоять этому насилию. Бунт не удался, I-330 попадает в Газовый Колокол, главный герой подвергается Великой Операции и хладнокровно наблюдает за гибелью бывшей возлюбленной. Финал романа трагичен (хотя в соответствии с обратной логикой Единого Государства звучит оптимистически). Но означает ли это, что писатель не оставляет нам надежды? Заметим: I-330 не сдается до самого конца, Д-503 прооперирован насильно, О-90 уходит за Зеленую Стену, чтобы родить собственного ребенка, а не государственного номера; туда же, в пролом стены, устремляются еще «с полсотни громких, веселых, крепкозубых». Но, по мысли Замятина, противостояние злу в эпоху крушения гуманизма — трагическое противостояние.